

УДК 811.133.1

DOI: 10.17223/19986645/59/10

Е.Ю. Куликова, В.А. Лабко

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
И РЕАЛИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА: НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДОВ РОМАНА-ХРОНИКИ Н.С. ЛЕСКОВА
«СОБОРЯНЕ» НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ¹**

Исследуются особенности перевода лексических единиц, вербализующих концепты религиозного дискурса в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне», на английский и французский языки. Переводческие трансформации рассматриваются в аспекте двух основных стратегий: доместикации и форенизации. Выявляются основные приемы перевода, используемые для реализации каждой стратегии. Проведенный анализ показал, что в переводе на французский язык преобладает стратегия форенизации, а на английский – доместикации.

Ключевые слова: религиозный дискурс, прецедентный феномен, реалия, переводческая стратегия, доместикация, форенизация, переводческая трансформация, Н.С. Лесков.

В задачу перевода входит не только точное изложение содержания оригинального текста, но и воссоздание с помощью языковых средств его стилистических особенностей. Согласно А.В. Федорову перевод – это точное выражение средствами одного языка того, что уже выражено ранее средствами другого языка [1. С. 10]. Основа точного перевода, характеризующегося максимальной степенью эквивалентности, – понимание подлинника. Трудности при переводе выявляются в процессе поиска соответствий между элементами двух языков, а выбор обуславливается переводческой стратегией.

Вопрос о стратегии перевода, актуальный издавна, остается таковым и в настоящее время. По мнению Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, существуют две основные разновидности перевода: прямой, или буквальный (*traduction littérale*), и косвенный (*traduction oblique*). Прямой перевод возможен лишь в случаях структурного параллелизма между исходным и переводящим языком. При наличии лакун необходимо прибегать к косвенному переводу [2. Р. 31].

В свою очередь, Ю. Найда выделяет «динамическую» (*dynamic*) и «функциональную» (*functional*) эквивалентности. Он утверждает, что динамический эквивалент обеспечивает полную естественность выражения и является близким и понятным читателю в контексте его собственной культуры [3. Р. 159]. Для Ю. Найды точность перевода зависит от достижения эквивалентного эффекта в сознании представителей культуры языка пере-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

вода: «...реципиенты должны понимать переведенный текст настолько, насколько понимают исходный текст носители языка» [4. P. 36]. Динамическая эквивалентность, согласно Ю. Найде, позволяет преодолевать лингвистические и культурные различия.

По утверждению Ф. Шлейермахера, читатель должен проникнуться духом языка оригинала, воспринять своеобразную манеру писателя мыслить и чувствовать. Трудность же заключается в том, что переводчик оперирует исключительно средствами языка перевода, объем которых не совпадает с объемом средств, имеющихся в языке писателя. В этой связи Ф. Шлейермахер предлагает две стратегии перевода – «приближающую» текст к читателю, т.е. натурализацию (*einbürgernde*), и, наоборот, «удаляющую» текст от него, или трансформацию (*verwandelt*) [5].

В дальнейшем в рамках так называемого «культурного поворота» в переводоведении идеи Шлейермахера были развиты американским исследователем Л. Венути, предложившим именовать эти стратегии доместикацией (*domestication*) и форенизацией (*foreignization*). Форенизация нацелена на максимальную передачу лингвокультурной специфики оригинала, она призвана вызвать у читателя непреходящее ощущение принадлежности текста к чужой культуре, а доместикация предусматривает замену всех «экзотизмов» лексемами, служащими для номинации реалий культуры переводящего языка [6].

В теории Л. Венути форенизация и доместикация связаны также с образом переводчика как интерпретатора авторского замысла. В зависимости от выбранной стратегии переводчик оказывается «видимым» (форенизация) или «невидимым» (доместикация). Как отмечает исследователь, в англоязычной культуре в течение продолжительного времени доминировала стратегия доместикации, создающая «иллюзию прозрачности» текста, маскирующая подлинную семантическую эквивалентность. На самом деле в этом случае происходит лишь частичное раскрытие оригинального смысла, при котором культурные различия максимально редуцированы и подчиняются особенностям восприятия, свойственным представителям англоязычных лингвокультур [Ibid. P. 21]. Напротив, форенизация подрывает авторитет культурных кодов, свойственных принимающей культуре, стремясь тем самым уменьшить этноцентричность перевода (*ethnocentric violence of translation*) [Ibid. P. 198].

Показателем того, какой стратегии придерживается переводчик, может служить использование им определенных переводческих трансформаций. Так, калькирование и транслитерация скорее присущи форенизации, а описательный или аннотированный перевод свидетельствует о предпочтении стратегии доместикации.

Лексемы, обладающие ярко выраженной национально-культурной спецификой, представляют собой неотъемлемую часть произведений художественной литературы. Реалии как «слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [7. С. 256], составляют одну из

наибольших трудностей при переводе, так как они являются общеупотребительными для одной лингвокультурной общности и могут вызывать вопросы и непонимание среди представителей другой лингвокультуры. Это могут быть слова и термины, которые подчеркивают национально-специфические особенности культуры той или иной страны.

Реалия является прецедентной по отношению к иной лингвокультуре. В свою очередь, прецедентные феномены обладают этим свойством внутри отдельной культуры. Э.М. Аникина отмечает, что реалия обладает значимостью только в познавательном плане [8. С. 81–82], в то время как прецедентность связана с «эмоциональной и познавательной значимостью» [9. С. 216]. По мнению Л.В. Моисеенко, прецедентные феномены представляют собой фрагмент любого дискурса, который закреплен в сознании языковой личности и функционирует как культурный знак в соответствии с намерениями говорящего [10. С. 16]. Согласно классификации, предложенной И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и Д.В. Багаевой, выделяются следующие типы прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, прецедентное имя [11. С. 83]. Таким образом, термины «реалия» и «прецедентный феномен» как единицы, обладающие ярко выраженной лингвокультурной спецификой, могут характеризовать единый объект в разных аспектах в зависимости от его способности выступать основанием для формирования культурных ассоциаций в сознании носителей определенного языка.

Особый интерес для исследования особенностей перевода культурно-специфических лексических единиц представляют сочинения Н.С. Лескова, в которых сочетаются элементы разноплановых языковых пластов и стилистических регистров. В творчестве Н.С. Лескова в концентрированном виде представлена языковая игра, с помощью которой реализуется идейно-эстетический замысел автора [12. Р. 225]. Ответ на вопрос о степени сложности перевода лесковской прозы содержится в названии статьи американского филолога У. Эджертона: «Почти неразрешимая проблема – перевод прозы Лескова» [13]. Американский исследователь творчества Лескова Дж. Мэтлок подчеркивает, что переводчику необходимо создать у читателя представление о языковом гении русского писателя, что возможно, только если переводчик подойдет к своему родному языку с той же разумной игривостью (*controlled playfulness*), с желанием исказить слова, неправильно употреблять их и даже изобретать при необходимости [14. Р. 35]. Рассуждая о переводе произведений Лескова на французский язык, Е. Эткинд определяет постановку проблемы следующим образом: «Лесков по-французски <...> оказывается литературно-нормализованным» [15. С. 414]. В этом исследователе видит особую опасность: «...“потеря смеха” – что может быть хуже при переводе такого автора, как Лесков?» [Там же. С. 415].

Роман-хроника «Соборяне» – яркий и самобытный образец лесковской прозы. Изначально произведение носило название «Чающие движения воды», что представляет собой аллюзию на Евангелие от Иоанна (Ин. 5: 1–16) и относится к сцене у купальни Вифезда, где немощные ожидали, когда

ангел начнет перемешивать воду, поскольку первый, кто войдет в нее, будет исцелен. Название «Соборяне», под которым роман известен сегодня, появилось лишь позже, в 1872 г.

В сюжете романа переплетаются несколько историй. Главные герои находятся в среде российского провинциального общества. Персонажи «Соборян» несколько схематичны, что объясняется созданием не столько индивидуальных образов, сколько типов русского национального характера: Савелий – мудрость, Захария – смирение и кротость, Ахилла – сила [16. С. 37]. В центре повествования – глубинные процессы разрушения общественной целостности, ослабление духовной связи между людьми. Предметом повествования является жизнь обитателей старгородской соборной поповки. Изображая картины жизни русской провинции, представляющей перед читателем и в исповеди Туберозова, и в комментариях повествователя, Н.С. Лесков выдвигает на передний план проблемы формирования общей нравственности [17. С. 238].

Необходимо отметить, что роман-хроника «Соборяне» является одним из немногих русских романов, где главными героями выступают священнослужители. М. Уинчелл отмечает, что за названием «Соборяне» стоит не только создание галереи образов духовенства, но и концепция, центральная для русского православия, – соборность [18. Р. 25]. А.С. Хомяков трактует соборность не просто как «идею собрания» буквального, но как выражение «единства в множестве». Человеческие коллективы складываются на почве общности духовной и нравственной [19. С. 281]. Таким образом, название «Соборяне» относится не только к главным героям, трем священнослужителям кафедрального собора, но и ко всем верующим, которые составляют духовную общность, мистическое тело Церкви – лексема «собор» имеет в русском языке два основных значения: «собрание» и «храм» [20. Р. 41].

Роман-хроника «Соборяне» насыщен элементами религиозного дискурса еще и потому, что его ключевой идеей выступает проецирование света евангельских истин на жизненный путь и поступки людей, непоколебимость веры, поиски пути спасения. При этом в языке романа соплагаются лексемы, свойственные не только различным стилистическим регистрам, но и эпохам. Савелий Туберозов, хорошо образованный священник середины XIX в., часто прибегает к использованию лексики, более распространенной в прошлом веке, чем в его собственном. Действительно, можно найти некоторые слова и выражения, которые уже устарели в светской прозе того времени. Х. МакЛин, биограф Лескова, охарактеризовал язык дневника Туберозова как немного книжный и устаревший, но энергичный и сильный, «приправленный» церковнославянизмами, цитатами из Священного Писания и литургических текстов [21. Р. 328]. Этот факт необходимо учитывать и при переводе. По мнению Дж. Мэтлока, переводчик должен стремиться воспроизвести стиль за счет использования лексических, грамматических и синтаксических средств [14. Р. 54].

Материалом настоящего исследования служат переводы романа-хроники «Соборяне» на французский и английский языки. На французском

языке роман в переводе А. Монго вышел в свет в 1937 г. в издательстве Gallimard. Особая заслуга переводчика состоит в творческом, зачастую неординарном подходе к передаче лексических единиц, обладающих лингвокультурной спецификой. Кроме того, А. Монго снабдил текст примечаниями, помогающими французским читателям понять суть незнакомых им явлений. Впервые на английский язык роман-хроника «Соборяне» был переведен И. Хапгуд в 1924 г., и, по замечанию Х. МакЛина, содержал большое количество ошибок и опущений [21. Р. 673]. Значительно позже, в 2010 г., в издательстве Slavica появилась новая версия романа-хроники на английском языке. Перевод был выполнен М. Уинчелл, специализирующейся на русской литературе. Перевод М. Уинчелл сопровождается сносками и подробными пояснениями. Кроме того, приводится перечень имен, встречающихся в романе, с примерами их уменьшительно-ласкательных и разговорных форм (pronunciation guide to personal names), что является подспорьем для читателей, не владеющих русским языком. Оба переводных текста романа открываются предисловием, при этом в английской версии оно носит гораздо более обширный характер. М. Уинчелл знакомит англоязычных читателей с биографией и творческим путем Н.С. Лескова, подробно останавливаясь на романе «Соборяне». Переводчица также поясняет ключевые понятия православного вероучения (храмовое устройство, литургия, богослужебные тексты и т.д.).

Оба переводчика признают сложность, а подчас и невозможность передачи лесковской сказовой манеры на иностранном языке. Как А. Монго, так и М. Уинчелл отмечают отличительные черты лесковского сказа, который особенно богат разговорными выражениями, диалектными единицами и каламбурами. М. Уинчелл называет произведения Н.С. Лескова «кошмаром для переводчика» (translator's nightmare) [18. Р. 35]. Сказ Н.С. Лескова полон элементами фольклора, выдержками из Библии, из молитвенных книг и из православной литургии, к которым часто прибегают в повседневной речи герои произведения. В иностранных языках отсутствуют лексемы для обозначения целого ряда предметов и явлений, которые составляли часть быта русского народа XIX в.

Примечания переводчиков разъясняют, в частности, значение национальных реалий, прецедентных текстов (произведений русских писателей и русских народных сказок) и прецедентных имен. Значительное количество примечаний касается православных праздников, святых, богослужебных предметов и облачения духовенства.

В составе прецедентных феноменов, встречающихся в романе, отмечены прецедентные высказывания и прецедентные имена. Прецедентные высказывания представлены цитатами и аллюзиями на тексты Священного Писания, молитв, духовных сочинений. Основными их источниками являются ветхозаветные книги, Псалтирь, Четвероевангелие, Деяния святых апостолов, литургические песнопения.

В случаях цитации переводчиками были подобраны эквиваленты:

Ветхозаветные книги

Жезл Ааронов расцвел [22. С. 21] (ср. *На другой день вошел Моисей [и Аарон] в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов, от дома Леви-ина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали* (Чис. 17: 1–8)).

La verge d'Aaron fleurit [23. P. 23].

The rod of Aaron brought forth buds [24. P. 25].

Псалтирь

Бездну на бездну призываешь [22. С. 135] (ср. *Бездна бездну приывает во гласе хлябий Твоих, вся высоты Твоя и волны Твоя на мне преидоша* (Пс. 41: 8)).

Le gouffre appelle le gouffre [23. P. 212].

You're calling deep un to deep [24. P. 204].

Четвероевангелие

«Сей дух, – говорит, – ничем же изымается, токмо молитвою и постом» [22. С. 132] (ср. *Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17: 21)).

«Voyez-vous, m'a dit hier votre vieux <...> ce genre de démon ne peut être expulsé que par la prière et le jeûne» [23. P. 202].

«That spirit,» he said, «could in nowise be cast out save through prayer and fasting.» [24. P. 198].

Деяния святых апостолов

«Да, – сказал он, – сие бесспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся» [22. С. 49] (ср. *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27)).

Oui, me dit-il, c'est incontestable; nous avons beau être baptisés dans le Christ, nous n'en avons pas pour autant revetu le Christ [23. P. 69].

«Yes,» he said, «we cannot deny, that we are baptized into Christ und yet are not clothed with Christ» [24. P. 57].

Молитвословия

А что всего страннее, так это то, что один из солдатиков, запустив черту за пазуху свою руку, выгачил оттуда на шнурке старый медный крест с давленною надписью: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» [22. С. 213] (ср. молитва Честному Кресту *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его*).

Ce diable paraissait d'ailleurs assez bon chrétien, car un des soldats, s'aventurant à le fouiller, lui trouva sur la poitrine une vieille croix de cuivre portant gravée l'inscription: «Que Dieu se lève, et que ses ennemis soient dispersés» [23. P. 324].

But strangest of all was that when one of the soldiers thrust his hand inside the devil's shirt, he pulled out an old bronze cross on a string with the engraved inscription: «May God rise from the dead and His enemies scatter» [24. P. 344].

Церковные песнопения

Благослови венец благодсти твоя, Господи, а попу Савелию новый путь в губернию [22. С. 45] (ср. Тропарь индикта, глас 2 *Благослови венец лета благодсти Твоя, Господи*).

«Répandez, Seigneur, sur le cycle des mois la manne de vos bienfaits.» Et toi, pope Sabel, reprends le chemin du chef-lieu... [23. P. 62–63].

Bless this year of Thy mercy, O Lord; meanwhile, Priest Savelly must make an other journey to the capital [24. P. 51].

Интересно, что в романе присутствуют составные цитаты, сочетающие в себе элементы нескольких священных текстов. Например, во фразе «воду прошед и египетского зла избежав, пою Богу моему дондеже есмь» [22. С. 57] соплагаются фрагменты книги Исход (15:2) и Псалтири (103:33). Во французском тексте такая цитата была переведена следующим образом: «J'ai marché à sec au milieu de la mer et échappé à la fureur des Egyptiens; je célébrerai mon Dieu jusqu'à la fin de mes jours» [23. P. 70]. В английском тексте она звучит как «Having walked through the waters as upon dry land and having escaped the plagues of Egypt, I shall sing praises unto my Lord so long as I shall draw breath» [24. P. 55].

Итак, при переводе прецедентных высказываний, относящихся к области религии, доминирует стратегия доместикации, выражающаяся в подборе эквивалента с утратой при этом стилистической окраски, присущей оригиналу за счет использования церковнославянских лексем.

Однако в ряде случаев переводчики склоняются скорее к стратегии форенизации. Так, в Библии Короля Иакова (King James Version, KJV) цитата «Благо мне, яко смирил мя еси» звучит как «It is good for me that I have been afflicted; That I may learn thy statutes» [Psalm 119: 71]. М. Уинчелл предпочла не использовать эквивалент, а перевести цитату с использованием архаичных лексических единиц:

Савелий нахмурился, вздохнул я прошептал: «Благо мне, яко смирил мя еси» и вслед за тем неожиданно твердым голосом договорил... [22. С. 196; Пс. 118:71].	Sabel fronça le sourcil, poussa un soupir, murmura: «Seigneur, vous avez bien fait de m'humilier» [23. P. 299].	Savely frowned, gave a sigh, and whispered, «Blessed am I, for Thou hast made me submissive» and then he concluded in an unexpectedly firm voice [24. P. 313].
---	---	--

Во французском переводе ряда цитат из Священного Писания и богослужебных текстов используются латинские лексемы, что совершенно нехарактерно для английской версии. М. Уинчелл прибегает в подобных случаях либо к дословному переводу, либо к поиску эквивалента из текста Библии Короля Иакова:

Я как Пилат: еже писах – писах [22. С. 152] (ср. <i>Пилат отвечал: что я написал, то написал</i> (Ин. 19:22)). «Ныне отпускаеши раба твоего» [22. С. 161] (ср. <i>Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром</i> (Лук. 2:29)).	Non, je suis comme Pilate: quod scripsi, scripsi [23. P. 237]. Nunc dimittis servum tuum... [23. P. 251].	No sir. I'm like Pontius Pilate: What I have written I have written [24. P. 232]. «Now lettest Thou Thy servant depart in peace» [24. P. 251].
--	--	---

Таким образом, стратегия форенизации реализуется за счет использования не иностранных языковых единиц, а архаизмов (английский перевод) или латинизмов (французский перевод). На ранненовоанглийском языке написана Библия Короля Иакова, а латынь являлась богослужебным языком в католицизме. Данная стратегия отражает авторскую интенцию, но

отдаляет текст от современного западного читателя. Выражаясь в архаизации повествования, она позволяет сохранить семантическую структуру исходного текста, придав ему при этом несвойственную нейтральному регистру торжественность.

Некоторые прецедентные высказывания переданы в переводе посредством перифраза. Таково, например, восклицание «многая лета!», представляющее собой речевую формулу пожелания долгих лет жизни и благополучия за православным богослужением. В тексте романа оно встречается три раза и служит основой для авторской языковой игры:

...когда мы с причтом, окончив служение, проходили мимо бакалейной лавки братьев Лялиных, то один из поляков вышел со стаканом вина на крыльцо и, подражая голосом дякону, возгласил: «**Много ли это!**» [22. С. 99].

Где теперь Чемерницкий и оный мой правитель? Какого они плана держатся? Сколь они умнее стали с тех пор, как разговаривали в храме и пели на крыльце «**много ли это**» вместо «**многая лета**»? Пойди ныне, лови! Сунься... Они тебя поймают [22. С. 58].

...хватить общим хором: «**Многая, многая, мно-о-о-огая лета, многая ле-е-ета!**» [22. С. 174].

...quand, après l'office, nous passions en corps devant le magasin de comestibles de MM. Lialine frères, un de nos Polonais s'est montré sur le seuil, un verre à la main, et, donnant à sa voix des intonations de diacre, il a eu le fron de **psalmodier un burlesque requiem** [23. P. 74].

Que sont devenus Czernicki et le fameux chef de cabinet? Quelle ligne de conduite ont-ils adoptée? Comme leur esprit a mûri depuis qu'ils devisaient il voix haute dans l'église et **contrefaisaient nos chants sacrés** sur le seuil des cabarets! N'essayez pas de les prendre en défaut, vous en seriez pour votre courte honte [23. P. 90]!

...se préparaient à reprendre en chœur **les derniers mots de la supplication** [23. P. 267].

But after the service, when the parish clergymen and I were walking past the Lyalin brothers' grocery, one of the Poles came out onto the front steps with a glass of wine and, mimicking the deacon's voice, intoned, «**Is this too much?**» [24. P. 57].

How much wiser have they become since the days when they talked in church and sang of «**Many years**» on the grocer's front steps? Go catch them now! Dive in head first—or they will catch you [24. P. 72].

...they all joined in to sing the refrain as soon as he uttered the final note «**Many, many, ma-a-a-any years, many ye-e-ears!**» [24. P. 276].

В каждом из приведенных примеров перевод на французский язык контекстно обусловлен. В первых двух случаях для передачи игры слов, построенной на созвучии фразовых единств «много ли это?» и «многая лета», используются словосочетания *psalmodier un burlesque requiem* – дословно «исполнить шутовской реквием» и *contrefaire nos chants sacrés* – дословно «уродовать наши священные песнопения», которые служат для перифрастического описания коммуникативной ситуации. В последнем примере переводчик прибегает к приему генерализации, заменяя конкретное прецедентное высказывание общим «последние слова песнопения». В английском тексте М. Уинчелл использует дословный перевод, сопровождаемый сноской, в которой она разъясняет механизм игры слов:

A pun on the refrain of the Prayer for a Long Life for the Czar, *Mnógaia liéta* (Many years), which the Pole transforms into *Mnógo li éto?* [24. P. 55].

Таким образом, при переводе игры слов, построенной на основе прецедентных высказываний, во французском тексте доминирует стратегия доместикации, в то время как в английском – форенизации. Сохранить игру слов и добиться того же эффекта, как и в тексте оригинала, иногда становится трудно или же совсем невозможно. С помощью стратегии форенизации в совокупности с аннотированным переводом М. Уинчелл постаралась сохранить сатирический эффект.

В романе присутствует значительное количество прецедентных имен, восходящих к Библии: Авель (фр. Abel, англ. Abel), Хам (фр. Cham, англ. Ham), Сарра (фр. Sarah, англ. Sarah), Аарон (фр. Aaron, англ. Aaron), Иона (фр. Jonas, англ. Jonah). Во французском и английском текстах используются их соответствующие эквиваленты. Эквиваленты подобраны также для передачи имен общехристианских святых: Святой Николай Угодник (фр. Saint Nicolas, англ. St. Nicholas), Арий (фр. Arius, англ. Arius), Федор Тирон (фр. Saint Théodore Tiron, англ. Theodore of Tyre). Имена православных святых в большинстве случаев переведены дословно: Иоанн Воин / Иоанн Воинственник (фр. Jean le Soldat / Jean le Guerrier, англ. Ioann the Warrior), мч. Вонифатий (фр. Saint Boniface martyr, англ. martyr Bonifaty). Итак, как во французском, так и в английском тексте для передачи прецедентных имен переводчики предпочитают стратегию доместикации, подбирая эквиваленты для прецедентных имен, за редким исключением. Так, имя св. Кирилла Белозерского транслитерируется в английском тексте – Kirill Belozersky (ср. во фр. Cyrille du Lac Blanc).

Реалии в романе представлены следующими тематическими группами: наименования священных санов; облачение духовенства; храм и храмовое устройство; церковная утварь.

При переводе наименований священных санов и церковных занятий переводчики использовали стратегию доместикации, состоящую в подборе частичного эквивалента: архиерей – фр. *Monseigneur*, англ. *archpriest*; причетник – фр. *chantré*, англ. *reader*; пономарь – фр. *sacristain*, англ. *sacristan*; владыка – фр. *évêque*, англ. *reverend bishop*.

Ряд наименований предметов одеяния церковнослужителей А. Монго передал посредством стратегии форенизации: камилавка – *la kamilavka*, скуфья – *la skoufia*, набедренник – *le nabédrennik*. В меньшей степени переводчик задействует стратегию доместикации. Так, для некоторых лексем, относящихся к данной тематической группе, были подобраны эквиваленты: стихарь – *la dalmatique*, наперсный крест – *la croix pectorale*. При этом на французский язык термины «епитрахиль» и «орарь» переведены как *l'étole*.

В английском тексте превалирует стратегия доместикации. М. Уинчелл прибегает к (1) частичным эквивалентам из числа терминов, служащих для

обозначения одеяния католических и протестантских клириков: орарь – *stole* (дословно «стола»), риза – *chasuble* (дословно «казула»), скуфья – *calotte* (дословно «пилеолус»); (2) описательному переводу: набедренник – *thigh shield*, наперсный крест – *pectoral cross*; (3) лексемам, имеющим греческую этимологию: камилавка – *kamelaukion*. На этих примерах видно, что переводчики не ограничиваются выбором одной стратегии, тем не менее М. Уинчелл больше склоняется к доместикации, адаптируя реалии таким образом, чтобы они были ближе и понятнее англоговорящим читателям.

Большинство наименований лексических единиц, служащих для обозначения элементов храмового устройства и богослужебного цикла, переведено с использованием стратегии доместикации, реализуемой посредством подбора эквивалентов: часы – фр. *les heures*, англ. *hours*; всенощная – фр. *les vêpres*, англ. *vespers service*. В отдельных случаях используется перифраз: заутреня – фр. *les saintes matines de Pâques*, англ. *holy matins*. Отдельного внимания заслуживает перевод лексемы «притвор», служащей для обозначения внутреннего «вестибюля» храма. В английском тексте М. Уинчелл переводит «притвор» как *narthex*, используя частичный эквивалент. Во французском тексте была выбрана лексема *le parvis*, дословно «паперть», или «внешний притвор», располагаемый перед внутренним притвором храма. Здесь мы можем говорить о выборе переводчиками стратегии доместикации, что влечет за собой частичную потерю смысла оригинальной лексемы.

В особую группу выделяются термины православной аскетики. Остановимся на переводе лексемы «ревность». В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова имя существительное «ревность» имеет следующие значения: «страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-нибудь верности, в любви, в полной преданности» и «усердие, старание, рвение, горячая приверженность к чему-либо» [25]. В светском дискурсе лексема «ревность» употребляется исключительно с первым значением и имеет французский и английский эквиваленты *jalousie* и *jealousy* соответственно. В переводе романа используется лексема *zèle* во французском тексте и *zeal* в английском варианте, что дословно означает «рвение». Данный перевод удачно помогает сохранить и передать авторскую идею.

В качестве примера перевода наименований предметов, используемых в ходе богослужения, можно привести лексему «просфора». Просфора – богослужебный литургический хлеб. После литургии все использованные просфоры с особой молитвой и благоговением съедаются верующими. Остатки просфор допускается уносить домой, чтобы также с молитвой и благоговением их съесть натошак в тот день, когда христианин не может посетить храм. Во французском языке просфора обозначается терминами *la prosphore* или *le pain béni*, второй из которых и предпочел переводчик. В английском тексте перевода во всех случаях используется лексикализованное сочетание *communion bread*.

Это можно пронаблюдать в следующем эпизоде:

Я говорю, скажи: «Наполни, Господи, пустоту мою» и вкуси петой просвирки, потому я, знаете, – обратилась она к гостям, – я и за себя и за него всегда одну часточку вынимаю, чтобы нам с ним на том свете в одной скинии быть, а он не хочет вкусить. Почему так?» [22. С. 85].

«Daignez, Seigneur, rendre plein mon vide.» Et tout de suite par là-dessus, avale un morceau de pain béni... parce que vous savez, ajouta-t-elle à l'adresse de ses hotes, je fais toujours consacrer une parcelle à son intention et à la mienne, afin que dans l'autre monde nous soyons réunis sous une même tente» [23. P. 133].

«What's wrong, you silly? How come you're getting mad? I tell him, «Say "Fill my emptiness, O Lord" and partake of this consecrated communion bread, because you know,» she said, addressing her guests, «I always save a little piece for myself and for him, too, so that we'll be together in the next world, in Paradise, but he doesn't want to partake of it. Why is that?» [24. P. 115].

В другом случае А. Монго предпочел лексему *l'offrande*: Богородичная просфора [22. С. 243] – *L'offrande de la Sainte Vierge* [23. P. 262]. Одним из значений данной лексики является «приношение». В свою очередь, русское «просфора» восходит к древнегреческому *просфорά*, что также означает «приношение». Схематическим образом переводческую стратегию можно изобразить следующим образом:

Таким образом, для перевода имени существительного «просфора» А. Монго была выбрана семантически близкая лексема. Обращение к этимологии слова позволило переводчику подобрать семантически близкий эквивалент и эффективно применить стратегию доместикации.

В романе встречается и термин «воздух». В православной литургической традиции так называется один из тканых покровов для священных сосудов, используемый за Божественной литургией, также им накрывают лицо умершего священнослужителя. Во французском и английском текстах термин переведен описательно – *le voile de brocart* и *the veil of brocade* (дословно «парчовая вуаль»).

Заметим, что речь героев полна старославянских лексем, но не все они нашли отражение в тексте перевода. Так, в английском и французском переводах использован стилистически нейтральный эквивалент имени существительного «юдоль» (долина), используемого как поэтический и религиозный символ для обозначения тяготы жизненного пути, с его заботами и сложностями (ср. Пс. 83:7): *vallée de larmes* и *vale of tears*. Крик лекаря «Гряди, плешиве!» [22. С. 66] переведен на французский язык посредством перифразы: *Attends un peu, tu vas voir* [23. P. 75]. Английский текст оказы-

вается ближе к оригиналу: *Here, Baldy! Here, Baldy!* [24. P. 85] и сопровождается комментарием переводчика:

Children taunted the bald prophet Elisha in a similar manner... [24. P. 85]. Дети издевались над лысым пророком Елисеем подобным образом...

В обоих случаях переводчики прибегают к доместикации, при этом А. Монго в значительно большей степени удаляется от оригинального смысла. М. Уинчелл, стремясь передать авторскую интенцию, вынуждена прибегнуть к введению поясняющих паратекстуальных элементов.

В тексте романа упоминается ряд церковных праздников, связанных с народными поверьями и обрядами. Например, День святых апостолов Петра и Павла, который также носит название Петров день. В народном календаре славян это день окончания «купальских празднований» и начала летних свадеб, прощание с весной, что потребовало добавления переводческого комментария: фр. «D'après une croyance populaire, voir lever le soleil le jour de la Saint-Pierre porte bonheur» и англ. «According to popular belief, watching the sun rise on the Feast of St. Peter (June 29, Old Style) will bring happiness» – Согласно распространенному мнению, увидеть восход солнца в Петров день – к счастью.

Отдельного внимания заслуживает перевод лексем, вербализующих в романе концепт «жизнь». Так, для перевода фрагмента прокимна «живота просише у тебе» А. Монго выбрал метод транслитерации, заключив лексему в кавычки («jivot»), а М. Уинчелл подобрала смысловой эквивалент: He asked life [zhivót] of Thee, оставив оригинальную лексему в квадратных скобках. Оба переводчика дают примечания, в которых раскрывают понятие «живот», обозначающее «жизнь» в церковнославянском языке.

Просторечное выражение «житье-бытье» в романе-хронике «Соборяне» переводится на французский язык с использованием авторского неологизма *le train d'existence*, а в английском тексте перевода М. Уинчелл была использована нейтральная лексема *life*.

А вот сожаление Туберозова «Жизнь кончилась, и начинается житие» было передано следующим образом:

Ma vie est finie, c'est mon martyre qui commence [23. P. 250]. My mortal life is over, and now begins the life of a saint [24. P. 257].

Житие в духовной литературе является жанром, описывающим жизнь христиан, канонизированных Церковью («Жития святых»). Первые жития святых являются назидательными сказаниями о христианских мучениках. Мученик в христианстве – это человек, который принимает мучения и смерть за исповедание веры в Бога. Мученики составляют один из древнейших ликов святых. В православии отдельно почитаются священномученики, т.е. священнослужители, претерпевшие мучения за Христа [26. P. 311]. Лексема *martyre* («мученичество») восходит к греческому *mártys*, что означает «свидетель» или «свидетельство». В свою очередь,

святость в христианстве рассматривается как наивысшая ступень духовного развития человека, стяжание им таких добродетелей, как кротость, целомудрие, смирение и любовь.

А. Монго использовал лексему *martyre*, чем подчеркивает страдания, которые верующие претерпевают в гонениях. М. Уинчелл использует лексикализованное сочетание *life of a saint*, тем самым акцентируя внимание на святости и добродетели.

Проведенный анализ показал, что при переводе на английский и французский язык в одних и тех же случаях применяются различные стратегии. Несмотря на сопоставимое количество сносков, поясняющих те или иные реалии лингвокультуры оригинала, в переводе А. Монго преобладает стратегия форенизации, выражающаяся в частом использовании приема транслитерации. М. Уинчелл, напротив, чаще прибегает к стратегии доместикации, стараясь при этом максимально отразить авторский замысел. Иногда для реализации стратегии форенизации переводчики прибегают не к средствам исходного языка, а используют архаизмы из лексического фонда языка перевода или латинизмы.

Нормы перевода могут меняться в зависимости от исторического периода и цели. Общественные и культурные тенденции в обществе того или иного времени влияют на выбор определенной стратегии. Невозможен перевод, построенный с использованием одной стратегии, так как это превратит его из творческого и сложного процесса в механический. Эффективность взаимодействия двух стратегий обуславливается сложностью и неоднозначностью художественного текста. В целом можно отметить, что оба перевода романа-хроники Н.С. Лескова «Соборяне» выполнены на высоком профессиональном уровне и дают возможность иностранному читателю ознакомиться с этим прекрасным образцом русской классической литературы.

Литература

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1983. 303 с.
2. Vinay J.-P. et Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais: Méthode de traduction. Paris : Didier, 1968. 331 p.
3. Nida E. Toward a Science of Translating. New York : Brill Academic Publishers, 1964. 321 p.
4. Waard J., Nida E. From one language to another: Functional equivalence in Bible translating. New York : Nelson, 1986. 361 p.
5. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens, 1813. URL: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf>
6. Venuti L. The Translator's Invisibility. New York : Routledge, 1995. 353 p.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
8. Аникина Э.М. Прецедентные явления vs речевые стереотипы и реалии // Приволжский научный вестник. 2014. № 8 (36), ч. 1. Филологические науки. С. 78–83.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Моисеенко Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 52 с.

11. Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. 1997. Серия 9: Филология. № 3. С. 62–85.
12. Naydenova N. Kontrdiskurs in Russian or sottisier à la russe: the story by Nikolai Leskov "Polunoschniki" // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2016. Vol. 61/1. P. 223–232. DOI: 10.1556/060.2016.61.1.14
13. Edgerton W. Translating Leskov: the almost insoluble problem // *Leskoviana* / dir. D. Caviaon, P. Cazzola. Bologna : Editrice CLUEB, 1982. P. 107–118.
14. Matlock Jr. Leskov into English: On translating Соборяне (Church folks). New York : Columbia University, 2013. 349 p.
15. Эткинд Э. Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки // *Revue des Études Slaves*. 1986. Vol. 58, № 3. P. 413–418.
16. Игнашов А.В. Автор и проблема жанра «Соборяне» Н.С. Лескова // Святоотеческие традиции в русской литературе : материалы 1-й Всерос. интернет-конф. с междунар. участием. Омск, 2010. С. 34–42.
17. Фортунатов Н.М. История русской литературы последней трети XIX века: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 283 с.
18. Winchell M. Translator's Introduction // *The Cathedral Clergy: A Chronicle* / N. Leskov. Bloomington, Indiana : Slavica, 2010. P. 9–36.
19. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: Сочинения богословские / под ред. Ю. Самарина. Прага, 1867. 407 с.
20. Naydenova N. Holy Rus: (Re)construction of Russia's Civilizational Identity // *Slavonica*. 2016. Vol. 21:1-2. P. 37–48. DOI: 10.1080/13617427.2017.1319120.
21. McLean H. Nikolai Leskov: The Man and His Art. Cambridge & London : Harvard University Press, 1977. 673 p.
22. Лесков Н.С. Соборяне // *Собр. соч.* : в 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 13–218.
23. Leskov N. Gens d'Église. Paris : Gallimard, 1937. 336 p.
24. Leskov N. *The Cathedral Clergy: A Chronicle*. Bloomington, Indiana : Slavica, 2010. 353 p.
25. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Т. 3. 1424 с.
26. Naydenova N. "Let the Little Children Come to Me": (Anti-)Religious Films for Young Spectators of the Soviet and Post-Soviet Period // *Children's Literature in Education*. 2017. Vol. 48, № 4. P. 308–325. DOI 10.1007/s10583-016-9284-4

Strategies of Rendering Cultural References and Realia of Religious Discourse: A Case Study of the Translations of *The Cathedral Clergy* by Nikolay Leskov into English and French

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 169–184. DOI: 10.17223/19986645/59/10

Elena Yu. Kulikova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kulis@mail.ru

Valeria A. Labko, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lera.labko@gmail.com

Keywords: religious discourse, cultural reference, realia, translation strategy, domestication, foreignization, translation transformation, Nikolay Leskov.

The publication has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100

The article considers two basic strategies, domestication and foreignization, used to translate lexemes denoting cultural references and realia of religious discourse in the novel *The Cathedral Clergy* ("Soboryane") by N. Leskov. For the purpose of this research, realia

constitute lexemes, which may be unfamiliar to representatives of other cultures, while cultural references comprising texts, situations, enunciations and names are in fact intertextual elements recognized by the speakers of a certain language. Thus, realia and cultural references are the terms used to characterize the same object from different points of view.

The study is based on the corpus of lexical units used to denote elements of religious discourse taken from the novel and its translations into English and French.

The translation of intertextual elements from sacred texts is dominated by domestication. The translation of puns based on religious text elements is carried out in two different manners: foreignization prevails in the English text, while domestication dominates in the French one. As for the names, both translators, with rare exceptions, tend to choose domestication and use the equivalence method.

A comparative analysis has revealed that foreignization prevails in the French translation, while domestication is more typical for the English text. Besides, the same strategy may be implemented in different ways. Thus, foreignization is achieved mainly due to the use of transliterated or transcribed Russian lexemes, or Latin words, in the French text, while it is achieved as well through the use of archaisms in the English version.

The realia may be divided into the following thematic groups: clergy ranks, clergy apparel, church architecture, churchware. The lexemes denoting the ranks of the clergy are rendered through domestication. As for the clergy apparel, the French text is dominated by foreignization, and English by domestication. The lexical units used to denote the elements of church architecture are rendered mainly through domestication.

The analysis has demonstrated that domestication allows to render the original meaning only partially, while the translated text becomes as close as possible to the cultural background of the target language. In its turn, foreignization reduces ethnocentricity of the target language and undermines the authority of the cultural codes it conveys. The use of certain translation transformations also depends on the choice of a particular strategy. The study has revealed that, for example, the use of calques or transliteration is common for the foreignization strategy, while paraphrasing or annotated translation is typical for the strategy of domestication.

References

1. Fedorov, A.V. (1983) *Osnovy obshchey teorii perevoda: lingvisticheskie problemy* [Fundamentals of the general theory of translation: linguistic problems]. 4th ed. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Vinay, J.P. & Darbelnet, J. (1968) *Stylistique comparée du français et de l'anglais: Méthode de traduction*. Paris: Didier.
3. Nida, E. (1964) *Toward a Science of Translating*. New York: Brill Academic Publishers.
4. Waard, J. & Nida, E. (1986) *From one language to another: Functional equivalence in Bible translating*. New York: Nelson.
5. Schleiermacher, F. (1813) *Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens*. [Online] Available from: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programm/2006-07/Schleiermacher.pdf>.
6. Venuti, L. (1995) *The Translator's Invisibility*. New York: Routledge.
7. Nelyubin, L.L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
8. Anikina, E.M. (2014) Precedentnyye yavleniya vs rechevyye stereotypy i realii [Precedent phenomena vs speech stereotypes and realities]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik – Privolzhsky Scientific Journal*. 8 (36):1. pp. 78–83.
9. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izd-vo LKI.

10. Moiseenko, L.V. (2015) *Lingvokognitivnye osnovy teorii pretsedentnosti* [Linguocognitive foundations of the theory of precedence]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
11. Bagaeva, D.V. et al. (1997) Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii [Cognitive basis and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 3. pp. 62–85.
12. Naydenova, N. (2016) Kontrdiskurs po-russki, ili sottisier à la russe: povest' N.S. Leskova "Polunoshchniki" [Counterdiscourse in Russian, or sottisier à la russe: N.S. Leskov's "At Midnight"]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 61/1. pp. 223–232. DOI: 10.1556/060.2016.61.1.14
13. Edgerton, W. (1982) Translating Leskov: the almost insoluble problem. In: Cavaion, D. & Cazzola, P. (eds) *Leskoviana*. Bologna: Editrice CLUEB.
14. Matlock, Jr. (2013) *Leskov into English: On translating Soboryane (Church Folks)*. New York: Columbia University.
15. Etkind, E. (1986) Neskol'ko zamechaniy po povodu perevoda leskovskoy prozy na inostrannye yazyki [Some remarks on the translation of Leskov's prose into foreign languages]. *Revue des Études Slaves*. 58 (3). pp. 413–418.
16. Ignashov, A.V. (2010) Avtor i problema zhanra "Soboryan" N.S. Leskova [The author and the problem of the genre in N.S. Leskov's "The Cathedral Clergy"]. *Svyatootecheskie traditsii v russkoy literature* [The patristic traditions in Russian literature]. Proceedings of the I All-Russian Online Conference with International Participation. Omsk: Variant-Omsk. pp. 34–42. (In Russian).
17. Fortunatov, N.M. (2016) *Istoriya russkoy literatury posledney treti XIX veka* [The history of Russian literature of the last third of the 19th century]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
18. Winchell, M. (2010) Translator's Introduction. In: Leskov, N. *The Cathedral Clergy: A Chronicle*. Translated from Russian by M. Winchell. Bloomington, Indiana: Slavica.
19. Khomyakov, A.S. (1867) *Polnoe sobranie sochineniy: v 4 t.* [Complete Works: In 4 vols]. Vol. 2. Prague: V tip. d-ra F. Skreyshevskogo.
20. Naydenova, N. (2016) Holy Rus: (Re)construction of Russia's Civilizational Identity. *Slavonica*. 21:1-2. pp. 37–48. DOI: 10.1080/13617427.2017.1319120
21. McLean, H. (1977) *Nikolai Leskov: The Man and His Art*. Cambridge & London: Harvard University Press.
22. Leskov, N.S. (1957) Soboryane [The Cathedral Clergy]. In: Bazanov, V.G. et al. (eds) *Sobr. soch.: v 11 t.* [Collected Works: In 11 vols]. Vol. 4. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.
23. Leskov, N. (1937) *Gens d'Église*. Traduit du russe par Henri Mongault. Paris: Gallimard.
24. Leskov, N. (2010) *The Cathedral Clergy: A Chronicle*. Translated from Russian by M. Winchell. Bloomington, Indiana: Slavica.
25. Ushakov, D.N. (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Sov. entsikl.: OGIZ: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
26. Naydenova, N. (2017) "Let the Little Children Come to Me": (Anti-)Religious Films for Young Spectators of the Soviet and Post-Soviet Period. *Children's Literature in Education*. 48 (4). pp. 308–325. DOI: 10.1007/s10583-016-9284-4